

Разсказъ женщины.

Перваго октября выѣхалъ я изъ Люблина черезъ Кіевъ въ Петроградъ. Съ двухъ часовъ дня до двѣнадцати ночи пассажиры стояли на вокзалѣ плечо къ плечу, ни пройти, ни сѣсть, ждали поѣзда. До Ковеля сидѣлъ въ корридорѣ, только утромъ изъ Ковеля стало нѣсколько свободнѣе.

Утро ясно и тихо. Блеклолистые лѣса, синева далей. На станціяхъ безлюдно. Дозорные солдаты, сигнальные песты, обмотанные соломой. Мы постепенно выбирались изъ области, непосредственно захваченной войной. Въ Кіевъ пріѣхали—какая мирная тишина и покой по сравненію съ Варшавой и Люблиномъ!

Въ вагонѣ со мной ѣхала дама съ тремя дѣтьми изъ Люблинской губерніи. Разсказывала, какъ переживали они времена перваго австрійскаго нашествія. Примѣчательный разсказъ женщины умной и наблюдательной! Привожу его здѣсь вкратцѣ.

Ахъ, Боже мой! Потому и не уѣхали мы тогда изъ города, что, вѣдь, не боялись войны! Вы можетъ быть, и не повѣрите, а это такъ. Правда, мужъ мой по должности не выѣхалъ, до послѣдняго дня ждалъ

распоряженія, и не получилъ. Ну, а я съ дѣтьми осталась вмѣстѣ съ нимъ.

И никакого страху у насъ не было. Думали мы: воюють и подвергаютъ себя опасности наши братья, мужья, женихи. А мы, женщины, дѣти, старики, мирные жители,—какая намъ грозитъ отъ войны опасность? Война—въ Европѣ. Если и непріятель придетъ—культурные европейцы! Чего бояться?

Господи, смѣшно и стыдно теперь объ этомъ вспоминать! Точно дѣти думали о войнѣ. Будто что-то въ родѣ развлеченія произойдетъ съ вѣжливыми поклонами, деликатностями. А какъ началось все это!..

Страшно, когда придетъ непріятель, жутко, когда и наше войско нахлынуло. Сила пришла, у которой свои порядки и законы... Опасно и тогда, когда никакого войска, никакой власти въ нашемъ городѣ не было, ни русской, ни непріятельской. И смерть пришла, когда мы очутились въ серединѣ, между нашими и непріятельскими войсками, въ самомъ огнѣ сраженія. Какъ мы живы остались—удивляюсь. Дѣти больны, мужъ совсѣмъ разбитъ, сама измучилась и всего лишилась. Теперь, какъ слышали—опять приближается военная гроза,—все бросили: домъ, остатки имущества, въ чемъ были—уѣхали. Пять дней до Люблина по грязи подъ дождемъ плыли. Только бы унесъ Господь.

Ахъ, даже вспоминать все это, въ памяти наново перебирать страшно!

Пришли къ намъ австрійцы, какъ сейчасъ помню, второго августа. Въ городѣ у насъ были только русскіе казаки. Австрійцы шли на городъ съ трехъ сторонъ: пѣхота, артиллерія. А кавалерійскіе разъѣзды кругомъ стали показываться.

Казачій офицеръ у насъ въ домѣ стоялъ, вечеромъ перваго августа сказалъ, что просилъ помощи пѣхотой. Если не дадутъ—завтра городъ будетъ оставленъ.

— Ну, а вы какъ?—спрашиваетъ.

— Да куда же намъ идти!—говорю.—Вездѣ можемъ на австрійскіе разѣзды наткнуться, подѣ пули попасть. Ужъ въ городѣ лучше.

Утромъ наши казаки ушли, а черезъ часъ времени, не больше, точно учуяли, вошли въ нашъ городокъ австрійцы. Проскакали по улицамъ человѣкъ тридцать, земля дрожить. Все мадьяры, черные, сердитые, никто ихняго языка понимать не можетъ. Прямо въ магистратъ проѣхали. Весь народъ по домамъ спрятался, на улицахъ ни души, только собаки бѣгаютъ, да лаютъ.

Собрали они кое-кого изъ жителей города, за моимъ мужемъ прислали. Назначили бургомистра, членовъ магистрата—изъ поляковъ и евреевъ. Офицеръ вынимаетъ часы, показываетъ.

— Вотъ къ этому часу (черезъ два часа) чтобы было двѣ тысячи булокъ. Наше войско придетъ, приготовьте!

— Да гдѣ мы въ такой срокъ возьмемъ двѣ тысячи булокъ?! И двѣсти не найти! Городокъ у насъ маленький, булочныя съ испугу закрыты. Надо испечь. Къ вечеру приготовимъ.

— А не будетъ готово—вотъ видѣли?!..

Вынулъ револьверъ, приставилъ моему мужу ко лбу. Потомъ отвелъ револьверъ немного въ сторону и выстрѣлилъ.

— Теперь, говорить, мимо, а потомъ—въ самый лобъ.

Вотъ и подумайте, какой негодяй! Ну это обошлось

благополучно. Часа черезъ два пріѣхалъ австріійскій генераль. Мужъ доложилъ, какъ офицеръ требоваль невозможнаго. Генераль согласился.

— Онъ, говоритъ, въ часахъ ошибся. Къ вечеру чтобы было!

Ну, къ вечеру-то напекли.

Потомъ нѣсколько дней черезъ нашъ городъ шли австріійскіе войска и обозы. Тутъ было не страшно, только мужу было трудно. Прикажутъ австріійцы приготовить хлѣба, мяса, а гдѣ возьмешь?! Вотъ члены магистрата и мечутся по городу. Австріійцы деньги не за все давали, часто платили расписками. Ужъ хлѣбъ сталъ до двадцати копѣекъ фунтъ доходить. Соли со-всѣмъ мало. А подвозу ни откуда нѣтъ. Потомъ начали кое-что изъ Австріи привозить—легче стало. А тогда испугались мы, думали—съ голоду померемъ.

Сидимъ мы всѣ въ домахъ, да въ окошки смотримъ. Пушки, пулеметы, зарядные ящики, кухни, повозки для раненыхъ. Кавалерія, пѣхота, опять пушки, обозы... Лошади у нихъ, какъ львы. Упряжь, повозки—очень хороши. А для раненыхъ въ повозкахъ даже ванны устроены. Ну только потомъ все это ни къ чему оказалось. Какъ повезли къ намъ раненыхъ австріійцевъ, многіе по девять дней безъ перевязки лежали, такъ и умирали. На двѣ тысячи раненыхъ былъ у нихъ одинъ врачъ.

Прошли войска и наступила у насъ тишина: ни русскихъ, ни австріійцевъ. Такъ, повѣрите ли, кажется самое жуткое было время. Когда русскіе уходили, выпустили изъ тюремъ арестантовъ. И остались мы безъ всякаго начальства, безъ защиты. По ночамъ выходить на улицу боялись, почти не спали. Жутко.

Потомъ начались бои, привезли къ намъ раненыхъ австрійцевъ, русскихъ плѣнныхъ. Поселился въ городѣ штабъ австрійскаго корпуса. Начались въ австрійской арміи тифъ и дизентерія, просто завалили нашъ городокъ больными и ранеными. Въ домахъ и на улицахъ лежали, пройти нельзя было. Жарко, смрадь въ городѣ, гнилымъ мясомъ пахнетъ. По улицамъ ходить трудно.

Русскіе плѣнные помѣщались въ городскомъ саду. Ночью бесѣдки, заборы ломали и жгли, грѣлись, картошку на угляхъ пекли. Намъ подходить къ нимъ строго воспрещалось. Передать что съѣстное можно было. Принесешь булку, передашь черезъ австрійскаго солдата. Онъ разрѣжетъ на куски, тогда передастъ, а цѣлюю—ни за что. Только скоро ѣсть почти нечего стало. А тутъ еще двоихъ членовъ магистрата арестовали: еврейскаго раввина и моего мужа. Будто бы раввинъ подговорилъ евреевъ, а мой мужъ—поляковъ провизію спрятать.

Что я тогда пережила! Пошла съ дѣтьми въ штабъ. Дѣтей, видите, у меня: старшей дѣвочкѣ девять лѣтъ, второй—шестой пошелъ, а маленькому четыре года вчера минуло. Думаю, можетъ быть, съ дѣтьми все лучше пропустять. Да и не остаются дома одни, маленькие, а понимаютъ опасность. Сколько труда только добраться къ начальству! Часовой не пускаетъ. А станешь просить доложить—крикнетъ: „zuguck!“ Офицеръ вышелъ, я къ нему. Смотришь на офицеровъ, вѣдь, видно по лицамъ, что люди образованные, думаешь, какъ не понять людское горе? Нѣтъ, лица строгія замкнутыя,—не до тебя.

Все-таки добилась я, дошла до генерала. Худой высокій, бритый австріецъ. Говорю ему (по-нѣмецки-то я

немного говорю), стою съ дѣтьми, плачу, а кажется мнѣ, что онъ даже и не слушаетъ меня, о чемъ-то другому думаетъ, въ бумагу смотритъ. И чувствую я, что такъ ничтожна въ его глазахъ съ дѣтьми и мужемъ со слезами и своимъ горемъ, что страшно мнѣ стало. Закричалъ онъ на меня.

— Вашъ мужъ измѣнникъ! Теперь эта земля австрійская, и вы всѣ подданные австрійскаго императора. А вашъ мужъ не соблюдаетъ нашихъ интересовъ, все думаетъ, что онъ русскій подданный. Потомъ я разберу дѣло вашего мужа, а теперь ничего утѣшительнаго сказать не могу. Идите!

Въ этотъ же вечеръ впервые къ намъ на квартиру пришли жить три австрійскихъ офицера: мадьяръ, полякъ и еврей. Я одна съ малыши дѣтьми, да прислуга старуха. Велѣли сдѣлать обѣдъ. Подала прислуга на столъ, зовутъ меня офицеры. Вѣжливо, но строго и холодно говорятъ:

— Попробуйте!

Я не понимаю, въ чемъ дѣло, спрашиваю:

— Развѣ плохо приготовили?

— Попробуйте!—кричитъ мадьяръ. А полякъ мнѣ подсказываетъ:—„Вотъ ложка, хлебните“.

Поняла я, что отравы боятся. И стыдно мнѣ, и больно, и жутко. Взяла ложку, рука дрожить, хлебнула—проглотить не могу. И еще больше пугаюсь: подумаютъ, что боюсь проглотить отъ яду. Ахъ, Господи! Какое униженіе, какой ужасъ между людьми! Такъ призвали они меня пробовать все, что имъ подавали. Дѣти за мной тянутся, плачутъ. Офицеры сердятся, особенно мадьяръ.

— Ахъ, говорить, заткните имъ глотки!

Ну, что тутъ скажешь!..

Ночью дѣти уснуть не могутъ, около меня жмутся, И я не раздѣваясь лежу. Вошелъ ко мнѣ въ спальню мадьярскій офицеръ. Я такъ и застыла на мѣстѣ отъ ужаса. Неужели, думаю, и дѣтей не пожалѣетъ, меня оскорбить? А маленькій вскочилъ, на него кулачкомъ замахнулся. Слезы на глазахъ, кричить:

— Уйди, я тебя не люблю!

Понялъ офицеръ, чего я боюсь. Холодно и строго говорить по-нѣмецки:

— Не бойтесь сударыня, я вамъ не сдѣлаю никакого вреда. Я только долженъ осмотрѣть вашу комнату, нѣтъ ли кого, кромѣ васъ.

У меня отъ сердца отошло.—Смотрите! Кромѣ насъ и Бога никого не было въ нашемъ домѣ.

Черезъ день на радость и мужа выпустили изъ-подъ ареста. Заставили ихъ съ раввиномъ обращеніе къ жителямъ написать, чтобы не брали лишняго за продукты, ничего не утаивали и всѣми силами старались помочь австрійскому начальству. Офицеры у насъ больше недѣли жили. Обжились, перестали бояться, по-хорошему разговаривали. Уѣдутъ на позиціи, вернутся, рассказываютъ, какъ дѣла. Полякъ говорилъ намъ:

— Пока ничего, наше дѣло идетъ. Погода хорошая, изъ Австріи провизию привезли, пища есть. Но долго мы не выдержимъ, солдаты наши слабые.

И видимъ мы, что дѣла у нихъ къ концу августа все хуже. Потомъ германцы пришли. Тѣ рѣшительны и суровы. Пришли, выбросили изъ одного дома раненыхъ австрійцевъ прямо на улицу, заняли штабомъ. А тутъ ужъ вскорѣ и битва вокругъ нашего города началась.

Вечеромъ 29 августа вернулись офицеры съ позицій печальные. Говорятъ:

— Кажется, плохо наше дѣло, отступаемъ. Уходили бы вы отсюда! Здѣсь навѣрное будетъ бой.

Хорошо сказать—уходите! А куда уйдешь? Тогда-то ужъ ушли бы, да некуда.

Съ утра тридцатаго начали въ нашемъ городѣ русскія шрапнели рваться. Около нашего дома на улицѣ лошадь убило. Взвилась она на дыбы, да объ землю грянулась. Часа два землю грызла,—издохла.

Австрійцы поспѣшно отступали. Обратнымъ порядкомъ бѣжали пушки, пулеметы, обозы. Все смѣшалось. Вышли и германцы. И началась надъ нашимъ городомъ перестрѣлка изъ орудій.

Цѣлую ночь мы, нѣсколько дамъ, — я, докторша, мировиха, аптекарша, жена одного торговца, прислуга наша—у насъ на дворѣ яму рыли. Глядите, вотъ мозоли, еще до сихъ поръ не сошли, кровью руки сочились. Вырыли мы яму глубокую, навалили бревна, насыпали землей потолокъ аршина два толщиной. Откуда сила и смекалка взялись! Входъ сдѣлали кривой, чтобы пули и шрапнели не залетали. Къ утру туда и переселились съ дѣтьми, захватили, что могли, пить-ѣсть.

И начался надъ нашимъ городомъ адъ. Ужъ какими словами рассказывать этотъ кошмаръ и не знаю. Знаю, что было, а такъ и до старости мнѣ будетъ казаться, что видѣла я какой-то необыкновенный и ужасный сонъ.

Гудѣла земля, раздавались надъ нами взрывы. Начались пожары. Около насъ горѣла больница съ ранеными. Кои могли, уползли, а человѣкъ шесть такъ

тамъ и сгорѣли. Одинъ мадьяръ приползъ на налпъ дворъ, легъ на солнышкѣ на крышѣ нашего погреба. Тутъ его прапнелью и добило.

Нѣмцы зажгли склады, костель. Костель-то ограбили, но потомъ эти вещи у нихъ наши войска отбили. Дома горѣли близко около нашего погреба. Стало въ погребѣ жарко и дымомъ полно, дышать нечѣмъ. Думали — задохнемся. Всѣ дѣти глазами заболѣли отъ сырости, дыму и темноты. Ночью мужъ мой вылѣзъ, подрубилъ и повалилъ сосѣдніе заборы, чтобы ужъ совѣмъ до насъ огонь не дошелъ.

Сидимъ мы сутки, двое. Молчимъ. О чемъ же разговаривать? Дѣти плачутъ; прижмешь ихъ къ себѣ и сама съ ними втихомолку поплачешь.

Въ перерывахъ стрѣльбы немного задремлешь. Вдругъ — тррахъ! Разорвется снарядъ поблизости. Вскочатъ всѣ, какъ безумные. Проснутся, заплачутъ дѣти... Думали — всѣ сѣдые вылѣземъ на свѣтъ Божій, если только придется вылѣзти.

На третьи сутки слушаемъ, будто выстрѣлы съ новой стороны почудились. Говорю мужу:

— Слышишь, выстрѣлы съ новой стороны?

— Нѣтъ, — говорить, — это тебѣ показалось.

Прислушались, — въ самомъ дѣлѣ такъ. И съ нѣмецкой стороны прекратилась стрѣльба изъ орудій. Только, ружья щелкъ-щелкъ. Выползли мы, ослѣпли отъ солнца. Приглядѣлись, — на взгоркѣ солдаты. Долго повѣрить не можемъ, что русскіе. Нѣмцы сходны съ русской пѣхотой. Бѣгутъ ближе — видимъ, дѣйствительно наши. Зашли русскіе съ фланга, германцы отступили, и стрѣльба прекратилась, — вотъ что случилось.

Прибѣжали наши въ городъ, какъ море залили всѣ

улицы. А мы все еще какъ изъ погребѣ вылѣзли, такъ кучкой и стоимъ, не расходимся. Плачемъ и руками мапемъ. Кричимъ:

— Сюда, сюда!

А къ чему «сюда»,—сами не знаемъ. Подбѣжали къ намъ гвардейцы, спрашиваютъ:—Что кричите?—Говоримъ: „Милые, спасители“. Они покурить попросили и убѣжали дальше.

Ну, только наши страданія не кончились. Ушли нѣмцы, пришли русскія войска. Начались отъ страха доносы: евреи на поляковъ, поляки на евреевъ, другъ друга обвиняли въ расположеніи къ австрійцамъ и къ германцамъ. Господи, а какое ужъ тутъ расположеніе—смерть наша была! Всѣ-то мы жалкіе, всѣ несчастные, отъ страха смерти покорялись.

Опять моего мужа арестовали и другихъ поляковъ, того же раввина и нѣсколько евреевъ. Обвиняли въ томъ, что служили австрійцамъ. А какъ они могли бы не исполнять приказаній?! За обращеніе къ жителямъ винили. А какъ они могли не подписать?.. Разказать вамъ невозможно, что тутъ я пережила. Горько, обидно, больно... Ну, мужъ мой какъ-какъ отъ смерти ушелъ, а раввина съ двумя евреями повѣсили.

Вотъ теперь нѣмцы близко появились, за Вислой стоятъ. Такъ ужъ мы куда глаза глядятъ убѣгаемъ. Милостыню будемъ просить, гдѣ-нибудь въ богадѣльнѣ жить, только чтобы снова того же не пережить. Не снаряды даже страшны, не смерть, а унижительное состояніе: точно вчера были мы, мирные жители, люди, а теперь—тараканы, или просто соръ, который мѣшаетъ и надо его подмести.

Не могу сказать, чтобы кто-нибудь жестоко съ

нами обращался. Безсмысленной жестокости, если разобраться, ни отъ кого мы не видѣли. Ну, а все-таки намъ беззащитнымъ и слабымъ худо. Между вооруженными мы, какъ червяки на дорогѣ. Невзначай наступить прохожій сапогомъ и раздавить, развѣ отъ жестокости?! Да, вѣдь, онъ даже и не замѣтилъ червяка подъ ногой! А и по желанію раздавить, такъ для того, чтобы не мѣшалъ!..

Вотъ въ какомъ мы положеніи были. Ахъ, тяжелое дѣло война! По-моему, лучше быть солдатомъ, съ оружіемъ въ рукахъ сражаться, каждую минуту жизнью рисковать, чѣмъ вотъ такъ мирнымъ жителемъ остаться. Куда труднѣе мирному-то жителю!
